

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 133–138. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 133–138. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 82.0

EDN SGCVZO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

ЭМОТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС

Трубкина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия, aitrubkina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Аннотация. В статье рассматривается ценностно-смысловое пространство художественного текста в реализации эмотивных доминант, отражающих авторский замысел. Цель исследования состоит в определении функционального статуса эмотивов разноуровневой текстовой принадлежности. Приоритетными методами исследования являются методы текстологического анализа и филологической интерпретации, что позволяет, в частности, рассматривать художественный текст вне экспликации авторской оценки, как реализацию важных ценностных смыслов персонажа и автора, эмоционально воздействующих на читателя. В ходе анализа текста повести А.П. Чехова «Черный монах» выявлено, что функциональный статус эмотивных доминант ограничен в целом функциями персонажной эмоциональной оценки и прагматического воздействия эмотивных смыслов на читателя. Текстовая эмотивность способна репрезентировать не только сиюминутные состояния героев, сопряженные с тем или иным эпизодом сюжетного действия. Автор намеренно насыщает эмотивными маркерами описание таких ситуаций, которые соотносят эмоциональный и духовный опыт читателя и персонажа, что способствует активизации воспоминаний адресата и нового переживания им событий, описываемых в художественном тексте. Имплицитность эмотивных смыслов в повести А.П. Чехова «Черный монах» позволяет акцентировать внимание читателя на ценностных смыслах текста, которые только косвенно обуславливаются в своем формировании внешними сюжетными событиями. Анализ эмотивных доминант текста повести способствует выявлению не только функционально-семантической природы категории эмотивности, но и ее сюжетно- и текстообразующей роли в художественном тексте, что открывает широкие перспективы в изучении текстовой эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность, художественный текст, эмотивная доминанта, ценностно-смысловое пространство, эмотивное значение, авторский замысел, А.П. Чехов.

Для цитирования: Трубкина А.И. Эмотивные доминанты художественного дискурса: функциональный статус // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 133–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

Research Article

EMOTIVE DOMINANTS OF LITERARY TEXT: FUNCTIONAL STATUS

Anna I. Trubkina, PhD, Associate Professor, Department of Theory of Language and Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aitrubkina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Abstract. The article is devoted to the value-semantic space of a literary text in the implementation of emotive dominants that reflect the author's intention. The purpose of the study is to determine the functional status of emotives of different levels of text affiliation. The priority research methods are the methods of textual analysis and philological interpretation, which allows us to consider a literary text, including outside the explication of the author's assessment, as the realization of important value meanings of the character and the author, which have an emotional impact on the reader. During the analysis of the text of the story by A.P. Chekhov's "The Black Monk" it was revealed that the functional status of emotive dominants is generally limited by the functions of the character's emotional assessment and the pragmatic impact of emotive meanings on the reader. Textual emotiveness is capable of representing not only the momentary states of the characters associated with one or another episode of plot action. The author deliberately saturates the description of such situations with emotive

markers, which correlate the emotional and spiritual experience of the reader and the character, which helps to activate the recipient's memories and a new experience of the events described in the literary text. Implicitly of emotive meanings in the story by A.P. Chekhov's "The Black Monk" allows us to focus the reader's attention on the value meanings of the text, which are only indirectly determined in their formation by external plot events. Analysis of the emotive dominants of the text of the story "The Black Monk" helps to identify not only the functional-semantic nature of the category of emotiveness, but also its plot- and text-forming role in a literary text, which opens up broad prospects in the study of textual emotiveness.

Keywords: emotiveness, literary text, emotive dominant, value-semantic space, emotive meaning, author's intention, A.P. Chekhov.

For citation: Trubkina A.I. Emotive dominants of literary discourse: functional status. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 133–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

Эмоции – это неотъемлемая часть жизни человека; являясь отражением реакций личности на различные факторы, они тесно связаны с мышлением и познанием. Человек выражает эмоции не только средствами невербальной коммуникации, но и, разумеется, прибегает к их реализации с помощью языка. В свою очередь, язык позволяет интерпретировать и анализировать эмоции, он способен также порождать их. Эмоции как наиболее сложная сфера внутреннего мира человека должна изучаться с позиций различных гуманитарных наук, и лингвистике принадлежит одно из приоритетных мест в отношении параметризации прагматики эмотивности.

Картина мира всегда включает не только когнитивные компоненты – она также имеет эмоциональный характер. Когнитивная научная парадигма признает в качестве аксиомы утверждение о том, что знание невозможно без эмоционального отклика, и поэтому вся лексика потенциально эмоциональна, так как значения слов включают эмоциональный компонент. В этой связи нельзя не согласиться с Н.Ф. Алефиренко в том, что язык – это «средство репрезентации синергетического единства мыслительных структур и эмоционального состояния человека» [Алефиренко: 8]. Правомерно также утверждение В.И. Шаховского: «Поскольку лингвистика – это наука о языке, его взаимодействии с обществом и о том, как человек пользуется языком, вопрос о языковых эмоциях / об эмоциональном языке человека уже давно не вызывал никаких сомнений» [Шаховский 2009: 14].

Современная лингвистика обращается к изучению эмотивности как функционально-семантической категории, и интерес исследователей к сфере эмотивности в последние десятилетия растет, о чем свидетельствует появление целого ряда значимых работ [Вежбицкая; Вольф; Городникова; Телия; Шаховский; Кнееркенис]. Однако в понимании и интерпретации самой сущности эмотивности пока не наблюдается единства, как не существует и единого определения этой категории, которое учитывало бы все существующие на данный момент концепции эмотивности. Так, по мнению Л.А. Пиотровской, эмотивность можно определить как «функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной дей-

ствительности» [Пиотровская 2007: 42]. Шаховский рассматривает эмотивность как «функционально-семантическую категорию, служащую для внешней трансляции носителями языка (языковыми личностями) своего эмоционального состояния и отношения к миру и обладающую парадигматичностью на лексико-семантическом уровне» [Шаховский 1998: 41].

Эмотивность изучается как неотъемлемая часть образа мира, имеющая соответствие в смысловых компонентах слов, при этом она объективирована исключительно в индивидуальном сознании, так как ее формирование осуществляется посредством языка, мышления и культуры в процессе восприятия личностью мира. Очевидно, что интерес лингвистов к эмотивности обуславливается антропоцентричностью современной научной парадигмы в целом, а текстовая эмотивность приобретает наиболее важное значение в связи с субъективным характером этой категории. Человек запечатлевает с помощью языка «свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова: 354], что акцентирует роль эмотивности в вербализации ментальности языковой личности. При этом в изучении проявления эмоций в речемыслительной деятельности и ее результатах важна дифференциация основополагающих понятий, на что правоммерно указывает Л.А. Пиотровская: «“эмоциональность” – это характеристика личности говорящего, основанная на анализе использованных им вербальных и невербальных средств; “эмотивность” – характеристика языковых средств, содержащих в своем значении эмотивный компонент, а следовательно, и текста в целом; “эмоциогенность” – характеристика текста с точки зрения человека, воспринимающего текст» [Пиотровская 2023: 34–35].

Определение эмотивных доминант позволяет моделировать текстово-дискурсивное семантическое пространство. Безусловно, необходимо здесь и обращение к различным аспектам ценностной картины мира личности адресата и адресанта, так как общечеловеческие ценности (гордость, уважение, любовь и пр.) эмотивны в своей глубинной семантике.

Проблематика выделения текстовой эмотивности в отдельную разновидность в рамках этой функ-

ционально-семантической категории дискуссионна по причине повышенной степени субъективности проявления эмоций и невозможности их адекватной вербализации. Однако лингвисты сходятся во мнении относительно того, что текст любой функционально-стилистической принадлежности не только транслирует какую-либо информацию, но и воздействует на эмоциональную сферу адресата. Описание используемых в конкретном тексте эмоций опирается на достижения когнитивной лингвистики при учете проявлений разных аспектов ментально-психической деятельности индивида, в том числе и его эмоций.

В тексте могут быть выделены эмотивные доминанты, характеризующиеся эмотивным значением, – это «значение (семема), в единой структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивные смыслы. Эти смыслы могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут выходить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы)» [Ветюгова]. Все три уровня эмоций: невербальный (мимика и жесты); физические состояния, которые сопровождают эмоции и/или представляют реакцию на них; вербальный – манифестированы в текстово-дискурсивном пространстве. Особый интерес представляет поэтому художественный текст, который репрезентирует индивидуально-авторскую картину мира, субъективность языковой личности автора и характеризуется высокой степенью вербализации эмотивности всех трех обозначенных выше уровней. Мы согласны с мнением С.В. Ионовой: «...эмотивы не соотносятся с предметными ситуациями непосредственно, обозначая комплекс субъективных переживаний по отношению к ним. В связи с этим они организуются в эмотивные комплексы, выражающие единое эмоциональное содержание, представленное разными способами» [Ионова: 22]. Укажем также в этой связи и на диалогическое взаимодействие автора и читателя: автор всегда ориентирован на общение с читателем, пусть и отсроченное по времени и реализуемое опосредованно через сам текст, через его субъектно-речевую организацию, которая обладает значимым прагматическим потенциалом (см.: [Фокина 2022]). Мир, воссоздаваемый в художественном тексте, – это мир, погружающий читателя, прежде всего, в эмоциональное восприятие самим автором событий и персонажей, созданных в соответствии с авторским эстетическим замыслом.

В качестве материала для изучения эмотивных доминант художественного текста нами избрана повесть А.П. Чехова «Черный монах» [Чехов], написанная в 1893 году и опубликованная годом позднее.

Бесспорно, это художественный текст, манифестирующий эмотивность на различных текстовых уровнях, что задано самой текстовой структурой. Авторский замысел сфокусирован в этой повести на обнаружении эмотивности персонажа как через прямые номинации чувств и эмоций, которые испытывает главный герой, магистр Коврин, так и через другие языковые и текстовые механизмы, которые позволяют разнообразно воплощать эмотивные и ценностные смыслы, реализуя различные функции текстовой эмотивности.

Так, в следующем фрагменте: «Попадались тут и красивые стройные деревья с прямыми и крепкими, как у пальм, стволами, и, только пристально всмотревшись, можно было узнать в этих деревцах крыжовник или смородину» [Чехов] – маркерами эмотивности выступают лексемы *красивые, стройные, с прямыми, крепкими, пристально*. Эмотивная доминанта приведенного макроконтекста фиксируется в персонажной зоне повествования: это эмоциональные реакции, вызванные у героя восприятием окружающей природы – сада Песочных. Позитивная оценка пейзажа обуславливается здесь тем общим настроением, в котором пребывает Коврин по приезду в усадьбу Егора Семеныча – человека, заменившего осиротевшему в детстве герою родителей.

Маркеры эмотивности, создающие доминирующие смыслы художественного текста, выделены нами и в следующем фрагменте: «Она <Таня> говорила долго и с большим чувством. Ему почему-то вдруг пришло в голову, что в течение лета он может прижаться к этому маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься и влюбиться, – в положении их обоих это так возможно и естественно! Эта мысль умилила и насмешила его» [Чехов]. В приведенном макроконтексте восприятие Ковриным Тани вновь манифестировано вне авторской оценки: автор никак не проявляет себя здесь, однако эмоциональный мир героя дан как в восприятии им другого (*говорила долго и с большим чувством*), так и в процессе анализа собственных эмоций (*прижаться, к маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься, влюбиться, возможно, естественно, умилила, насмешила*).

Очевидно, что эмоции не всегда способны к вербализации, а сами лексемы и лексические сочетания, выступающие номинациями эмоциональных реакций и состояний, либо не вполне адекватны тому, что переживает индивид, либо вовсе не способны выразить посредством языка те или иные переживания. Поэтому вполне закономерно, что автор художественного текста может прибегать к описанию таких ситуаций, которые позволяют напомнить читателю факты его собственного эмоционального и духовного опыта, фиксируемые им в памяти и в процессе восприятия художественного текста активизируемые и пережи-

ваемые вновь. Например: «Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Коврин вспомнил, что ведь это еще только начало мая и что еще впереди целое лето, такое же ясное, веселое, длинное, и вдруг в груди его шевельнулось радостное молодое чувство, какое он испытывал в детстве, когда бегал по этому саду. И он сам обнял старика и нежно поцеловал его. Оба, растроганные, пошли в дом и стали пить чай из старинных фарфоровых чашек, со сливками, с сытными, сдобными кренделями – и эти мелочи опять напомнили Коврину его детство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе; от них в душе было тесно, но хорошо» [Чехов]. В приведенном макроконтексте ведущей эмотивной доминантой выступает именно память Коврина, его счастливые воспоминания о детстве, проведенном в доме и усадьбе Песочких.

Безусловно, текстовая эмотивность способна репрезентировать не только сиюминутные состояния героев, сопряженные с тем или иным эпизодом сюжетного действия. У А.П. Чехова именно имплицитная реализация эмотивных смыслов актуализирует так называемое «подводное течение» повествования, его ценностно-смысловой компонент, часто лишь косвенно обуславливаемый внешними событиями. Так и Коврин постепенно отдаляется от окружающего внешнего мира, от близких и дорогих ему людей, замыкаясь в собственных эмоциональных переживаниях, связанных с видением, которое посещает его, – он видит черного монаха, которого сначала воспринимает как странное явление: «Не стараясь объяснить себе странное явление, довольный одним тем, что ему удалось так близко и так ясно видеть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, приятно взволнованный, он вернулся домой. В парке и в саду покойно ходили люди, в доме играли, – значит, только он один видел монаха» [Чехов]. При первом столкновении с необъяснимым феноменом он чувствует, что не будет понят окружающими: «Ему сильно хотелось рассказать обо всем Тане и Егору Семенычу, но он сообразил, что они наверное сочтут его слова за бред, и это испугает их; лучше промолчать. Он громко смеялся, пел, танцевал мазурку, ему было весело, и все, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что он очень интересен» [Чехов], но эмотивной доминантой приведенного фрагмента является вдохновение, восторг, душевный (и духовный) подъем.

Текстовая эмотивность, анализируемая с позиций моделирования ценностно-смыслового пространства художественного текста, характеризуется реализацией нескольких функций, которые можно сгруппировать по критериям соотношения эмоциональной и рациональной информации в тексте и прагматиче-

ских задач. К первой группе относят дублирующую, компенсирующую и замещающую функцию, ко второй – функцию авторского эмоционального самовыражения, эмоциональной оценки, эмоционального воздействия на адресата. Для реализации авторского замысла в повести «Черный монах» особую важность приобретают только две последние, так как авторская оценка либо его эмоциональное самовыражение не только не эксплицировано, но и намеренно трансформировано Чеховым в персонажной зоне повествования. Также можно с уверенностью утверждать, что и функции совмещения эмоциональной и рациональной информации в анализируемом художественном тексте не получают своей сколько-нибудь значимой реализации, что обуславливается спецификой художественного мира повести «Черный монах».

А.П. Чехов последовательно и скрупулезно воссоздает картину развития психического заболевания, ничего общего не имеющего с осознанием героем своего призвания, и делает это на основании фокусировки Коврина на собственном внутреннем мире, сосредоточенности на своих переживаниях при отказе от каких бы то ни было значимых внешних впечатлений и усилий по сохранению духовного контакта с близкими ему людьми, например: «Он пошел назад к дому веселый и счастливый. То небольшое, что сказал ему черный монах, льстило не самолюбию, а всей душе, всему существу его. Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идею все – молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, – какой высокий, какой счастливый удел! У него пронеслось в памяти его прошлое, чистое, целомудренное, полное труда, он вспомнил то, чему учился и чему сам учил других, и решил, что в словах монаха не было преувеличения» [Чехов]. Однако герой, несмотря на всю вдохновляющую силу, которую оказывает на него его психотическое видение, утрачивает отзывчивость и восприимчивость к эмоциям других людей: он все более замыкается на самом себе и собственных эмоциональных переживаниях, что особо заметно в выделенной курсивом последней фразе фрагмента. Желание быть над человечеством, служить не ему, а неким высшим смыслом, священной гармонии – вот то, что приводит Коврина к душевной болезни и неодолимо влечет его к смерти: «В романсе, который пели внизу, говорилось о какой-то девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что это гармония священная, нам, смертным, непонятная... У Коврина захватило дыхание, и сердце сжалось от грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой он давно уже забыл, задрожала в его груди» [Чехов].

Очевидно, что ценностно-смысловое пространство текста повести «Черный монах» объективируется в соответствии с авторским замыслом А.П. Чехова комплекс функций эмотивных доминант, в котором наибольшей значимостью обладают эмоциональная оценка и прагматическое воздействие на читателя. Эмоциональные явления трансформируются в эмотивные смыслы – такие компоненты ценностно-смыслового пространства художественного текста, которые могут быть, на первый взгляд, соотнесены с типичными ситуациями. Однако имплицитное содержание эмотивных доминант текста повести «Черный монах» позволяет расширить понимание роли эмотивности в этом художественном тексте – эта категория обнаруживает не только функционально-семантический, но и сюжетно- и текстообразующий характер. Поскольку текстовая эмотивность диалектически включает план выражения и план содержания, возможно утверждать, что она континуальна и дискретна: с одной стороны, она составляет эмотивный компонент прагматики текста, будучи включена в его когнитивное содержание, с другой – она реализуется посредством эмотивных маркеров разноуровневой языковой и текстовой принадлежности, что в единстве определяет эмоциональность ценностно-смыслового пространства художественного текста.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия): Изд-во Университета Кирилла и Мефодия, 2011. 216 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 272 с.
- Ветюгова Л.А. Лексические средства выражения и описания эмоций в немецком языке. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/III/uch_2008_III_00035.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Городникова М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. 70 с.
- Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. № 1 (22). С. 13–27.
- Пиотровская Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей

русского языка: Труды и материалы / сост. М.А. Ремнева, А.А. Поликарпов. Москва: МАКС Пресс, 2007. С. 28–29.

Пиотровская Л.А. Эмоциогенность текста: психологический и лингвистический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. № 1 (22). С. 28–38.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.

Фокина М.А. Субъектно-речевая организация рассказа Владимира Корнилова «Шишкар» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 1 (28). С. 157–162.

Чехов А.П. Черный монах. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (дата обращения: 12.09.2023).

Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы: (Межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.

Kneepkens E.W., Zwaan R.A. Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, vol. 23: 1994-1995, pp. 125-138.

References

- Alefirenko N.F., Korina N.B. *Problemy kognitivnoi lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics]. Nitra (Slovakia), Universitet Kirilla i Mefodiiia Publ., 2011, 216 p. (In Russ.)
- Arutjunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russ.)
- Chekhov A.P. *Chernyi monakh* [Black Monk]. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (access date: 12.09.2023). (In Russ.)
- Fokina M.A. *Sub"ektno-rechevaya organizatsiya rasskaza Vladimira Kornilova «Shishkar'»* [Subjective-speech organization of Vladimir Kornilov's story "Shishkar"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, No. 1 (28), pp. 157-162. (In Russ.)
- Gorodnikova M.D. *Emotivnye iavleniia v rechevoi kommunikatsii* [Emotive phenomena in speech communication]. Moscow, MGPI im. M. Toreza Publ., 1985, 70 p. (In Russ.)
- Ionova S.V. *Emotsional'naya dominanta teksta: nekotorye lingvisticheskie aspekty issledovaniya* [Emotional dominant of the text: some linguistic aspects of the study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, No. 1 (22), pp. 13-27. (In Russ.)

Piotrovskaia L.A. *Vzaimodeistvie emotsional'noi i ratsional'noi otsenki v protsesse porozhdeniia rechi* [Interaction of emotional and rational assessment in the process of speech's production]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo iazyka: Trudy i materialy* [Russian language: historical destinies and modernity: III International Congress of Russian Language Researchers: Proceedings and materials], comp. M.A. Remneva, A.A. Polikarpov. Moscow, MAKS Press Publ., 2007, pp. 28-29. (In Russ.)

Piotrovskaya L.A. *Emotsiogennost' teksta: psikhologicheskii i lingvisticheskii aspekty* [Emotionogenicity of the text: psychological and linguistic aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, No. 1 (22), pp. 28-38. (In Russ.)

Teliia V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russ.)

Shakhovskii V.I. *Iazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in the aspect of linguoculturology]. Volgograd, Peremena Publ., 2009, 170 p. (In Russ.)

Shakhovskii V.I., Sorokin Iu.A., Tomasheva I.V. *Tekst i ego kognitivno-emosivnye metamorfozy: (Mezhkul'tur-*

noe ponimanie i lingvoekologiia) [Text and its cognitive-emotive metamorphoses: (Intercultural understanding and linguoecology)]. Volgograd, Peremena Publ., 1998, 148 p. (In Russ.)

Vezhbitskaia A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparing cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000, 272 p. (In Russ.)

Vetiugova L.A. *Leksicheskie sredstva vyrazheniia i opisaniia emotsii v nemetskom iazyke* [Lexical means of expressing and describing emotions in German]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/III/uch_2008_III_00035.pdf (access date: 14.09.2023). (In Russ.)

Vol'f E.M. *Funktional'naia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 280 p. (In Russ.)

Kneepkens E.W., Zwaan R.A. Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, vol. 23: 1994-1995, pp. 125-138.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 26.11.2023.

The article was submitted 23.09.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 26.11.2023.